

Ющенко Виталий Николаевич

соискатель кафедры
социальной философии и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета
<https://orcid.org/0000-0003-2578-2806>

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Аннотация:

В статье кратко рассматривается история введения в научное употребление понятия «менталитет», а также анализируются причины возникающих при его дефиниции сложностей в аспекте персоналистского философского подхода. Утверждается, что феномен менталитета носит субъективно-объективный характер, поэтому определенная его реификация в социально-философском дискурсе неизбежна. Однако чрезмерное акцентирование внимания исследователя на априорности для личности качества того или иного этнического менталитета не следует считать правильным. Более близким к истине будет его понимание как апостериорной и относительной совокупности приобретаемых под влиянием конкретной социальной среды свойств личностей. Делается вывод о том, что социальная среда является важнейшим фактором становления этнического менталитета, поскольку под ее непосредственным воздействием происходят процессы социализации личностей, транслируется и совершенствуется опыт поколений. Однако следует принимать во внимание и обратное влияние сформированного этнического менталитета на социальную среду. В качестве активно конструирующего начала логически и исторически выступает личность, созидательное творчество которой возможно лишь в условиях общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова:

ментальность, этнический менталитет, социальная среда, социализация личности, персонализм, качество, свойство, «дух народа», традиции

Yushchenko Vitaly Nikolayevich

External PhD student,
Social Philosophy and Ethnology Department,
North Caucasus Federal University
<https://orcid.org/0000-0003-2578-2806>

THE INFLUENCE OF THE SOCIAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF ETHNIC MENTALITY

Summary:

The paper briefly examines the history of the introduction into scientific use of the concept of "mentality". In the aspect of the personalistic philosophical approach, the author analyzes the reasons for the difficulties arising in its definition. It is argued that the phenomenon of mentality is subjective and objective in nature, therefore, its certain reification in socio-philosophical discourse is inevitable. However, the excessive emphasis of the researcher on the a priori personality of the qualities of one or another ethnic mentality should not be considered correct. Closer to the truth will be the understanding of mentality as an a posteriori and relative totality of personality traits acquired under the influence of a particular social environment. The conclusion is made that the social environment is the most important factor in the formation of ethnic mentality. Under its direct influence, the processes of socialization of individuals take place, the experience of generations is transmitted and improved. However, one should also take into account the reverse influence of the formed ethnic mentality on the social environment. The social environment and ethnic mentality mutually condition each other, and the person, logically and historically, acts as an active constructive principle, whose creative work is possible only in conditions of social life.

Keywords:

mentality, ethnic mentality, social environment, socialization of an individual, personalism, quality, property, "spirit of the people", traditions

В статье «Эволюция и эпигенез» (1930 г.) русский философ Г.В. Флоровский выражал свое удивление тем, что «странным образом философия истории часто строится без философской антропологии, без человека – точно так же, как пытаются строить психологию без души, без субъекта» [1, с. 433]. И это несмотря на то, что для исторической науки понятие личности является «принципиальным и характерным», при его игнорировании граница, отделяющая историю от природных закономерностей, становится нечеткой.

В это же самое время Л. Февром и М. Блоком была основана французская школа «Анналов»: с 1929 г. они стали выпускать журнал «Анналы экономической и социальной истории», вокруг которого группировалось новое направление мысли, не ограничивающееся только исторической проблематикой, но привлекающее также данные смежных наук – социологии, этнографии, географии, лингвистики, экономики и др. Этой школой во всеобщее научное употребление было введено понятие ментальности, которое на русском языке получило значение «установка сознания, сориентированного господствующими в нем умонастроениями» [2, с. 147]; соответственно, трактовка истории на основе ментальности приобретала ярко выраженный персоналистский характер.

Нужно отметить, что представление о коллективной ментальности не следует считать изобретением широко развившейся его школы «Анналов», ведь оно возникло почти за столетие до начала

ее деятельности. Близкие положения мы можем встретить у А. де Токвиля, в 1835 г. исследовавшего общественное сознание современных ему американцев («Демократия в Америке») и утверждавшего, что «все жители Соединенных Штатов имеют сходные принципы мышления и управляют своей умственной деятельностью в соответствии с одними и теми же правилами» [3, с. 16]. Кроме того, аналогичный концепт использовался и за рамками деятельности этой школы: французский историк Ж. Лефевр в своей работе «Аграрный вопрос в эпоху террора (1793–1794 гг.)», опубликованной в 1932 г., использовал представление о «коллективной ментальности» в качестве объяснительного средства массовой паники, охватившей множество французских деревень в 1789 г. Характерно, что коллективная и индивидуальная ментальности понимались мыслителем как «своего рода биологически обусловленные константы». Его коллега Л. Февр выступил против подобного биологистского истолкования указанного понятия. Он подчеркивал, что «мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений без ясного осознания их», значит, ментальность должна пониматься «не как биологически укорененная константа поведения, а как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, поведение людей, их ценности и “жесты”» [4, с. 525].

Невзирая на последующее широкое применение понятия ментальности (менталитета) в различных научных областях, сложности с его определением не были преодолены, что обуславливалось как междисциплинарным характером самого термина, так и многочисленными попытками перевести его значение из области субъективно-психологической в область объективно-социальную. При этом нередко утверждался допытный для всякой личности характер того или иного этнического (национального) менталитета как совокупности свойственных определенной большой группе субъектов стереотипических образов мышления и действия (поведения). Такая апелляция к априорности менталитета свидетельствует о реификации этого понятия или, по П. Бергеру и Т. Лукману, о восприятии «произведенных человеком феноменов в качестве вещей, т. е. объективированных сущностей, принадлежащих как бы “природному миру” с его законами, не зависящими от человека» [5, с. 44].

Подобная реификация, на наш взгляд, является неизбежным когнитивным процессом, поскольку этнический менталитет в аспекте персоналистского философско-методологического подхода, ставящего во главу угла представление об активно-творческой личности как источнике проявления различных форм социальности, относится к субъективно-объективным феноменам, рождающимся в сознании личностей и постепенно «овеществляющимся» в социокультурной реальности, ими создаваемой. Вопросы возникают тогда, когда акцент делается на объективном, внеличностном характере этнического менталитета, становящемся при этом некоей внешней силой, детерминирующей «мыследействия» конкретных индивидов и социальных групп. Такое истолкование понятия этнического менталитета, по справедливому мнению А.С. Панарина, узаконивает в качестве объективно-исторического процесса сегрегацию культур и народов, что вызвано отнюдь не научной, а идеологической необходимостью. Без достаточных на то оснований «между нашим индивидуальным сознанием и внележащей предметной реальностью вклинивается вездесущий посредник – надындивидуальные архетипы и мифы, образующие внутренне связанную систему коллективного менталитета» [6, с. 31]. Использование этого понятия оказывается особенно полезным для либеральной «системы, занятой выбраковкой плохо функционирующего, своевольного и экзотического “человеческого материала”» [7, с. 59].

Если до конца следовать такой логике, то возникает искушение вообще избавиться от понятия этнического менталитета, дабы не преумножать сущностей без необходимости. Однако сделать это не так просто: хотя понятие менталитета, как было показано, пришло в современные социогуманитарные науки из исторической психологии относительно недавно, его семантика имела свою долгую философскую предысторию, которую нельзя просто отбросить как несуществовавшую.

Мыслители Нового времени достаточно часто рассуждали о «духе (гении) народа», который, подобно духу отдельного человека, определяющему его мысли, слова и дела, влияет на формирование имеющей объективный характер «общей воли» народа. Вместе с тем такие представления в истории философии как поддерживались, так и оспаривались: Л.А. Тихомировым, к примеру, было точно замечено, что если и можно говорить о какой-то народной воле, то она «существует лишь как унаследованный вывод исторических традиционных привычек, как результат долгого коллективного опыта» [8, с. 122–123]. Подобные воззрения не были редкими, их придерживались мыслители и материалистического философского лагеря, и идеалистического.

Употребление понятия этнического менталитета в социогуманитарном дискурсе, по нашему мнению, сегодня необходимо, несмотря на имеющиеся трудности в его понимании; требуются только некоторые содержательные уточнения его значения, соответствующие произошедшим изменениям в наших отношениях к социокультурной реальности. При использовании персоналистского подхода понятие менталитета может быть интерпретировано как реализующийся во времени

проект, направляющий к определенной цели многоаспектные процессы социализации личности, обладающей, и этого нельзя отрицать, собственными априорными особенностями.

В контексте такого понимания получает синтетически-конструктивное разрешение известный спор между Г. Лейбницем и Дж. Локком: рождающийся человек не есть *tabula rasa*, «чистая доска», поскольку, подобно мраморной глыбе, имеет врожденные «прожилки», или особенности характера; с другой стороны, эти особенности не проявляются автоматически в процессе взросления, они, согласно евангельской притче о талантах (Матф. 25: 14–30), могут быть или «зарыты в землю», или многократно умножены – все зависит как от самой становящейся личности, так и от условий ее воспитания и образования, в свою очередь опосредующихся сформировавшейся в конкретно-исторических условиях совокупностью социокультурных продуктов.

Итак, менталитет, представляющий собой комплекс задающихся личности в процессах социализации «образов мыслей», неправомерно рассматривать как сумму ее априорных свойств. До начала всякого опыта личности, конечно, у нее есть определенные внутренние качества, которые могут реализоваться во всей полноте, но могут и остаться в глубинах ее подсознания, – однако к менталитету они не имеют никакого отношения, поскольку он представляет собой совокупность апостериорных, приобретенных в процессе опыта свойств личности, а не внутренних априорных ее качеств.

Интересно, что подобное представление было характерно для мыслителей и во время возникновения философско-исторического концепта «дух народа». И.Г. Гердер полагал, например, что «не требует даже и особого упоминания» факт: «образ жизни, гений всякого народа сильно влиял на фантазию каждого народа» [9, с. 203]. Определенный образ жизни, следовательно, рассматривался им как причина последующей «фантазии» народа, т. е. его способности представлять что-либо, мыслить, а значит, и действовать. Первую главу девятой книги своего знаменитого труда «Идеи к философии истории человечества» Гердер так и назвал: «Человеку кажется, что он все производит изнутри своего существа, а на самом деле развитие его способностей зависит от других» [10, с. 228] (упомянем, что важными факторами, влияющими на «дух народа», он считал также географию и климат).

Для большей ясности понимания менталитета, как представляется, следует обратить внимание на различие категорий «качества» и «свойства». Б.М. Кедров отмечал: «Качество и свойство – это не одно и то же. Качество неотъемлемо от вещи: его изменение означает изменение самой вещи; свойство же, напротив, связано с отношением вещи к другим вещам и процессам природы. Значит, оно относительно» [11]. Применяя эту дистинкцию к феномену менталитета, можно сказать, что он ответствен только за формирование проявляемых в социуме свойств личности, но не ее априорных внутренних качеств. Следовательно, этнический менталитет есть совокупность типичных для личностей, составляющих народ (этнос) как конкретно-историческую общность, свойств, сформированных в определенной социальной среде, которые выражаются в их мышлении и деятельности и позволяют реализоваться априорным природным качествам. Специфика всякого этнического менталитета обуславливается множеством факторов – культурных, экономических, политических, религиозных, географических, даже климатических, при этом для поддержания его устойчивости чрезвычайно важен момент исторической преемственности, необходимо не только закрепление в общественном сознании приобретенных свойств менталитета, но и их трансляция от поколения к поколению.

Отсюда можно сделать далеко идущий вывод: нельзя чрезмерно уповать на свойства (менталитет) того или иного народа, чем часто злоупотребляют националистические теории, поскольку свойства эти могут просто исчезнуть, причем очень быстро, в пределе – в течение смены одного поколения другим. Желаемые социокультурные свойства личности требуется воспитывать, и процесс этот, во-первых, трудозатратен, т. к. предполагает большие психические, физические, финансовые вложения в образовательную сферу и, во-вторых, в обязательном порядке должен опираться на традицию, на трансляцию от поколения к поколению достигнутого человечеством опыта бытия-в-мире. Разумеется, гораздо легче положиться на объективные, самостоятельно, без всякого нашего труда действующие силы социально-исторического развития, но не будет ли это деструктивным для общественной жизни самоуспокоением, основанным на желании уйти от проблем (что, собственно, и не получится), а не разрешить их?

Таким образом, свойства этнического менталитета условны, относительно, они прямо связаны с конкретными социальными отношениями, с установившимися в том или ином обществе мировоззренческими особенностями. Социальная среда является важнейшим фактором формирования этнического менталитета, под ее непосредственным влиянием происходят процессы социализации личностей, транслируется и совершенствуется опыт поколений, однако вместе с тем нельзя не согласиться и с Н.А. Бердяевым, когда-то убеждавшим общественность в необходимости «оставить совершенно ложную идею второй половины XIX века, что человек есть создание

социальной среды. Наоборот, социальная среда есть создание человека» [12, с. 447]. Неразрешимого противоречия здесь нет, ведь Н.А. Бердяев тут же пояснил, что среда, созданная человеком, начинает ощутимо на него влиять. Если социум формируется рабскими состояниями сознания людей, то он становится «рабьей» средой и в свою очередь начинает порождать других рабов. Соответственно, надо понимать, что освободиться от такой среды человек сможет, лишь преобразовав себя изнутри, тем самым изменив и условия среды, в которой он живет, т. е. мыслит и действует. В аспекте философского персонализма это означает, что социальная среда и этнический менталитет взаимно обуславливают друг друга, при этом в качестве активного конструирующего начала логически и исторически выступает личность, созидательное творчество которой возможно лишь в условиях общественной жизнедеятельности.

Ссылки:

1. Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2005. 862 с.
2. Давидович В.Е. В зеркале философии. Ростов н/Д, 1997. 448 с.
3. Душков Б.А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Екатеринбург, 2002. 443 с.
4. Визгин В.П. Ментальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М., 2010. С. 525–526.
5. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. 624 с.
6. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. 496 с.
7. Там же. С. 59.
8. Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. 672 с.
9. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. 704 с.
10. Там же. С. 228.
11. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. 184 с.
12. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Диалектика божественного и человеческого. Сочинения. М. ; Харьков, 2003. С. 341–500.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Бирюкова Полина Сергеевна